

УТРАТА

Не стало Владимира Петренко

Вчера Магнитка проводила в последний путь одного из своих талантливых сыновей – Владимира Владимировича Петренко, публициста, прозаика, поэта, скромного, честного и порядочного человека.

Он родился 22 декабря 1927 года в Магнитогорске. В сорок первом был репрессирован его отец. Подростком пришел на Магнитогорский металлургический комбинат. Окончил Московский государственный университет. В 1968 году вступил в Союз журналистов СССР. Трудился в газете «Магнитогорский металл». Полтора десятилетия работал в областной газете в Узбекистане. В 1994 году как вынужденный переселенец вернулся с семьей в Магнитогорск. Сотрудничал с «Магнитогорским рабочим» и «Магнитогорским металлом», активно занимался писательством. Лауреат первого литературного конкурса имени Константина Нефедьева в номинации «Публицистика». Вошел в число номинантов первой литературной премии имени Бориса Ручьева. Удостоен специального приза Всероссийского конкурса журналистов «Золотой гонг». Публиковался в региональных и всероссийских журналах. В 2007 году вышла его книга повестей, рассказов и очерков «Крутой поворот».

Крутой поворот судьбы Владимира Петренко оборвался 23 июля 2013 года и болью невосполнимой утраты отозвался в сердцах всех, кто знал его, читал его статьи, стихи и прозу.

Память о светлом человеке и талантливом литераторе навсегда останется в сердцах магнитогорцев.

СТИХИ

Как избавиться от наваждения?

ВЛАДИМИР ПЕТРЕНКО

Как избавиться от наваждения?
Нас преследуют превращения.
Доброта сменяется злостью,
Жизнь заканчивается погостом.
Ночь и день исчезают, но
Повторяются, словно в кино.
А любовь? Наступила – и вот
Появился ее антипод.
Обрацаюсь и я в другого:

То в хорошего, а то в плохого.
И себя не могу обуздать...
Научиться бы колдовать.
Я ведь, знаете, как поступлю?
Превращения остановлю!
Лучше день. Пусть уходит ночь.
И болезни – с дороги прочь!
Зря не стоит нам портить крови:
Коли любишь – люби на здоровье!
Ненавидишь? Как хочешь, злись!
Превращение – остановись!

...Месяц минул, другой стремится:
Те же стены кругом и лица.
И на солнце глаза слипаются.
Как кретин, мой друг улыбается:
Не проймешь его грубым словом.
Мой костюмчик все время новый,
И приелся котлеты и каша.
Надоели влюбленная Маша
И работа, которая ладится...
Стоп! Как было, так пусть
и останется!

Величие ветеранских морщин

На свете немало отличий
Достоинства рода мужчин.
Но нет и не будет величия
Святей ветеранских морщин.
Под пологом лет ветераны
Слабеют и никнут к земле,
И долбят их старые раны,
Как дятлы на ветхом стволе.
Но лишь заведут разговоры
О воинском прошлом своем,
Каким загораются взоры
У них не притихшим огнем!
Не раз эти слушал рассказы
О гибели близких, врагах
И видел дорожке алмазов
Слезинки на впалых щеках.
А то, о чем не сказали,
Потомки узнают в делах.
Дома, иссеченные сталью,

Остались в иных городах.
Турист на привале-минутке
Лопатой землю копнет,
И череп с улыбкою жуткой
К ногам его упадет...
Мы помним, но этого мало.
Жалеем... И это пройдет.
Всегда, чтобы кровь бушевала
У нас, а не день и не год.
Сквозь время, заботы и холод,
И сердца пронзающих мук,
Но вовремя серп или молот
Прими из слабеющих рук.
Стремись беспредельно
к рассвету,
Не злись и не прячь лица,
Не ради награды. И это –
Достойная плата отцам.

РАССКАЗ

ВЛАДИМИР ПЕТРЕНКО

Рыночная площадь пустовала. Был тот час, когда все взявшие, перепробовавшие, узнавшие горожане с чашками, бутербродами, сладостями сидели у телевизоров. Запоздалые копошились на троллейбусной остановке у метро. Поэтому женщину эту никто не заслонял. Они встретились глазами у окна киоска. Карие с голубыми.

– Вы что на меня смотрите? – спросила она так спокойно, что вызвала у него желание задать тот же вопрос.

По глазам читают. Уголки ее губ слегка шевельнулись.

– Купите мне пива, – сказала она, соглашаясь на игру, которая нередко возникает между мужчиной и женщиной.

– И себе тоже, – подхватил он, заказывая «Балтику» по ее просьбе.

Оба присели на низкую металлическую ограду позади ларька, не чувствуя под собой ее холода, и более уверенно продолжили разговор между глотками горьковатого напитка.

Перебрасываясь пустяковыми фразами, они мельком разглядывали друг друга, надеясь, наверное, что случайно возникший интерес пропадет, и они разойдутся, внутренне посмеиваясь: вот ведь как бывает.

Но интерес, по крайней мере, у него, нарастал и не оттого вовсе, что приехал издалека, выполнил все необходимые дела и надо было как-то скоротать оставшееся время: она ему понравилась. Карие глаза с темными скобками бровей так органично сочетались с кудрявой шапкой волос орехового цвета, слегка вздернутым носом, красиво очерченными губами: верхняя наподобие старинного лука, нижняя – в форме половины яблока. И главное – все это прекрасно обходилось без косметики.

Купите мне пива

– Удивительно, – сказал он раздумчиво, – никогда прежде у меня не возникало симпатии к женщинам с глазами такого цвета, как ваши.

– А меня всегда мало интересовали мужчины вашего возраста, – ответила она.

Помолчали...

– А вам не кажется, – решил он – пиво натошак вооружало, – что место, где находимся, не подходит для бесед такого характера?

– Есть варианты? – спросила она.

– Да. Гостиница.

– Пойдет! – сказала она, ничуть не поколебавшись.

Дорога была проложена:

– Как насчет паспорта? Он у вас с собой?

– Конечно. И притом с московской пропиской.

– Ты смотри, какая предусмотрительная. С чего бы это?

– Работу ищу. Только и всего.

– Ну тогда проблем не будет. Покатили.

Можно было обойтись и без троллейбуса. До двадцатипятиэтажки было рукой подать. Но Наташа (надо же, сколько у него их было – и все Наташи) намеревалась вернуться домой до 23 часов, чтобы избежать объяснений с мужем.

Два крепких молодца в белых рубашках, оставив у себя половину гостевого пропуска, пропустили их в широкий коридор, по сторонам которого то и дело открывались створки лифтов. Чавкнув, кабина унесла их вверх.

Номер, хотя и из дешевых, выглядел неплохо. Холодильник. Теле-

визор. Телефон и прочее. Из окна во всю стену, обрамленного по бокам коричневыми шторами, открывался вид на серую в это время года поляну, которую обступили белые громадины. Когда-то он не раз проходил мимо, там стояла оставшаяся от деревушки изба. А теперь на ее месте колышется на ветру облупленный и измятый остов легковой машины...

– А ты ничего! – сказала она потягиваясь. Он, испытав ранее неведомое чувство, вспомнил бальзаковскую энциклопедию, где рекламировался темперамент блондинок, а строчкой ниже, против брюнеток, стояло: «смотри блондинки». Старый ловелас что-то явно недоговаривал...

Она поняла его молчание по-своему. – Да ты не думай, – успокоила она, – ничего такого нет. Хочешь, санитарную книжку покажу?

– Ладно, – открывая очередную бутылку пива, сказал он, – ты мне лучше вот что скажи: чем вообще занимаешься?

– Умираешь от любопытства?

– Не так чтобы очень, но есть.

– Торговка. Кто же еще? Бывшая.

И она коротко поведала свою историю:

– Напарница подвела. Задолжала. А я вслепую приняла. На меня эти бабки и повесили. Я хозяйку в лоб: «Вы ее через... кинули, а я-то тут при чем?» Он и врубаться не стал. Взял паспорт. Отдашь, говорит, бабки – верну. Пришла домой к своему – так и так. А он в ответ: «Что? Не дала?» Ладно, говорит, на 700. Отдай – и вали из этой лавки. Теперь вот бегаю везде. Устроиться можно, но через это, а я не хочу.

– А вот то, что у нас сейчас, не все одно?

Она поморщилась:

– Значит, не все!

Он засмеялся:

– Заливаешь!

– Нет еще, – она показала на пустые бутылки, – сбегай, тогда зальем.

Он посмотрел на часы. Стрелки подходили к барьеру гостевого пребывания:

– Не поздно ли? Ты же собиралась домой.

– А ничего! – махнула она рукой. – Ты же меня не выгонишь.

Она неуверенно сняла телефонную трубку и сразу же ее опустила:

– Что я ему скажу? У подружки осталась? А! Утром что-нибудь да придумаю... Беги-ка за пивом и прихвати какой-нибудь еды. Живот подвело.

Он вышел. И помедлил у двери. Закрывать или нет?

– Не бойся, – услышал по ту сторону, – не убегу.

А хочешь – закрой. Целей буду.

Он повернул ключ. И как чувствовал...

– Сюда стучали долго, – сказала она, когда он вернулся, – а я сидела тихо, как мышь.

Они долго еще говорили о том, о сем. Пока не уснули.

Утром его разбудила птица, что-то клевавшая за окном. Он от-

крыл глаза: рядом ее не было. И в комнате тоже. Он проверил бумажник: деньги и документы – все на месте. Его мучили жажда и недоумение. Потянувшись за стаканом – там еще осталось пиво – увидел салфетку. Печатными буквами она проставила одно слово с тремя восклицательными знаками: «Будь!!!»

Он взял эту салфетку, чтобы порвать, и увидел под ней три сторублевки.

В этот же день он уехал. Деньги остались на столе.

...Ее утро началось по-другому. Она пришла в киностудию, где ее ждали.

– Кажется, у меня что-то получается, – сказала она. – Я готова сыграть эту роль.

